

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man with long, dark brown hair and a light beard, wearing a dark green tunic. He is holding a small, ornate golden chalice. A woman with long, flowing red hair, adorned with a floral headpiece, is leaning against him, her hand resting on his chest. She is wearing a light-colored, possibly silk, dress. They are in a room with a large window featuring a diamond-patterned leaded glass. In the foreground and background, there are various medieval-style objects, including jars, bottles, and a wooden shelf. The overall lighting is warm and intimate.

АЙЛИН ЛИН

ХОЗЯЙКА
ПОСТОЯЛОГО ДВОРА
"РЫЖАЯ ЛИСИЦА"

Айлин Лин

**Хозяйка постоянного
двора «Рыжая лисица»**

«Автор»

2023

Лин А.

Хозяйка постоялого двора «Рыжая лисица» / А. Лин — «Автор»,
2023

Я думала - это конец, но оказалось, что это только начало пути... Судьба подарила шанс прожить жизнь ещё раз, предоставив, казалось бы, шикарные стартовые условия: я оказалась хозяйкой гостиницы, ой, простите, постоялого двора, у меня во владении шикарный лес и много свободной территории... Но кроме всего этого "богатства", довеском шли старики и чумазые, голодные дети. И вроде бы всё просто: накорми, дай работу, ан-нет, оказывается, что проблем со всем этим - выше крыши! Если узнают королевские службы - не сносить мне головы! Печаль-тоска, но пока жива, буду работать отсюда и до восхода, который непременно наступит! Проды без графика. Подписка.

© Лин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Айлин Лин

Хозяйка постоянного двора «Рыжая лисица»

Глава 1

– Она дышит? – чей-то шёпот ворвался в моё плывущее сознание.

– Не знаю, Стэн, – второй обеспокоенный голос. – Упасть с такой высоты... Навряд ли госпожа выжила. Но ты потрогай её.

– Сам потрогай, я боюсь.

– Ну ты и трус!

Какое-то шуршание и через мгновение ко мне прикоснулись, точнее, прикоснулось... что-то острое и твёрдое. Я хотела вскрикнуть от боли, но вместо крика вырвался приглушённый сип, а следом я даже смогла слабо трепыхнуться.

– Ты чего это в госпожу палкой тычешь? Сдурел, что ля, старый ты пень?

– Живая, Сол, она живая! – последовал восторженный ответ и тут же я услышала шаркающие шаги – ко мне подошли ближе.

– Тогда тащи её из воды! Чего замер? Надобно хозяйку домой отнести, тама Шэлька о ней позаботится.

Двигаться не могла, сопротивляться этим двоим тем более, но судя по их разговору, вредить мне не собирались. Поэтому я не стала напрягать и без того болящее тело и даже мозг. А просто-напросто вырубилась, погружаясь в благодатное беспмятство.

– Ира, банкам доверять никак нельзя, положишь туда деньги и всё, поминай как звали. Знаешь же, что сейчас творится с экономикой страны, все финансовые организации схлопываются, как карточные домики! – это говорила мне моя невестка, супруга старшего брата.

В чём-то она права. Но хранить деньги, доставшиеся мне от моего вдруг объявившегося отца, в комнате в общежитии – последнее дело! Как отомкнуть дверь – знают даже дети, чего уж говорить о взрослых. Нельзя так рисковать, тут Лариска зрит в корень.

– Давай, к нам приезжай. Поговорим.

– Эмм, – чуточку растерялась я, – ну, давай.

Сказано – сделано. Поглубже спрятав деньги в рюкзак, поспешила к автобусной остановке. Поеду в гости к родне. Давно Сашку не видела, свою племянницу. Вот вроде и живём в одном городе, а времени, чтобы встретиться никогда не остаётся.

Люди стояли на остановке, словно нахохлившиеся воробушки, в практически одинаковой одежде и даже цвета они были почти единого, различаясь лишь оттенками серого и чёрного. Промозглый осенний ветер гнал пожухлую траву, будто соревнуясь со мной вскорости. Чувствовалось приближение зимы. Передёрнув плечами, встала под козырёк, такая же блёкая, как и народ вокруг, и замерла, глядя влево, туда, откуда вскорости должен подойти так нужный мне автобус.

Общественный транспорт, скрипя и устало "вздыхая", хотя вроде бы внешне выглядел вполне прилично и даже ярко – сверкал улыбками звёзд на приклеенных по бокам рекламных плакатах, подкатил к остановке ровно через четверть часа томительного ожидания. Я отлепила ступни от холодной земли и поторопилась в сторону гостеприимно распахнувшихся дверей, откуда в меня даже на расстоянии повеяло теплом, с неповторимым шлейфом пота, сигарет (водитель наверняка курил какую-то термоядерную смесь) и бензина.

Протиснувшись между людьми, стараясь не задеть кого-то локтями, заняла пустое пространство и замерла. Посмотрела в окно на пасмурное небо и хмурых прохожих, спешивших куда-то по своим очень важным делам.

Рюкзак прижала плотно к груди так, чтобы ни один воришка не смог чиркнуть ножичком и достать драгоценное содержимое.

А мысленно была далеко-далеко. Мама меня воспитывала в одиночестве. Никогда не говорила, кто мой отец, лишь, что он бросил нас, когда мне было два года. И вот недавно со мной связались с какой-то конторы и объявили, что я одна из наследниц небольшого, но приятного состояния.

Оформление всех бумаг заняло некоторое время и вот сегодня после обеда нотариус вручил мне заветный пухлый конверт. Если верить обмолвкам юриста, то дом и квартира в городе ушли третьей жене отца, мне же достались деньги. Неожиданно. И очень вовремя!

– "Остановка Маяковского", – механический голос оповестил, что мне пора на выход и я, встряхнувшись, потянулась вслед за другими пассажирами.

Оказавшись на улице, вдохнула носом свежий осенний воздух. Пахло скорым дождём. Но он не страшил, поскольку я, поверив ноющим костям и интуиции,хватила зонт. Улыбнувшись своим мыслям, поскакала вперёд.

Не успела я набрать номер на домофоне, как дверь распахнулась. Лариска явно ждала моего появления с нетерпением. Я неплохо относилась к жене брата, но всегда думала, что Миша мог бы найти и кого получше. Лара была бабой вздорной, даже скандальной. Любила сплетни и поболтать о пустом. Подруг у неё в нашем городе не случилось, посему невестка отрывалась, так сказать, на мне. Я её слушала, даже не пытаясь высказаться. Меня бы просто не поняли, ведь было только одно верное мнение: Ларискино.

– Ох, как ты вовремя, дождь обещали. Погода меняется так часто! Ещё утром по телевизору говорили о солнце, а уже после обеда переобулись и вещают о дожде, – затараторила она, приобнимая меня и чмокая воздух у моей щеки. – Проходи-проходи. Давненько в гости к нам не заглядывала. Сашка каждый день о тебе спрашивает!

Мне не дали и шанса открыть рот и поздороваться. Когда Лара отвернулась, чтобы повесить мой плащ на крючок в вещевом шкафу, на меня налетел маленький ураган:

– Тётя Ира! – детский голосок звенел от радости, которой не было предела – искренней и полной обожания.

Александра была похожа на своего отца – спокойного Михаила. Он был таким большим и бородатым, точно плюшевый медведь. Странно, что жена у него была полной его противоположностью, но, как говорится, "любовь зла...".

– Привет, детка! – подхватив малышку на руки, воскликнула я, так же как и она, радуясь встрече. – Прости, я так задумалась, что забыла купить тебе что-нибудь вкусенького!

– Ну и отлично, что забыла! Не то располнеет, – тут же вклинилась вечно сидящая на диетах сноха. – Пойдём на кухню, я пирожков напекла, – противореча своим же установкам, пригласила она.

Печь Лариса умела. Пирог, пирожки, булочки, всякие торты выходили у неё просто обалденно вкусно. Этого не отнять. Может сие обстоятельство и стало решающим для Мишки? Не знаю, никогда с ним не обсуждала его выбор. И не осуждала, принимая и уважая выбор близкого человека. – Сашка, подожди у себя в комнате, наиграешься ещё с тёткой, она никуда от тебя не денется! Мне нужно с ней кое-что обговорить, дела взрослые, важные, не для твоих маленьких ушек!

Поболтав о том и о сём, точнее, послушав сплетни двора через призму видения самой Лары, она перешла к важному:

– Ира, дорогая, нам нужна твоя помощь!

– Помощь? – не поняла я, и даже кончик носа почесала.

– У Мишки бизнес не идёт, вчера пришли и сказали, что заберут нашу квартиру, она же в залоге! – и тут впервые я увидела в глазах женщины слёзы. – Помоги расплатиться с долгами. Мы всё вернём, обещаю!

Что-то внутри меня оборвалось. Я кинула взгляд в сторону выхода, где виднелась часть комнаты Сашки, девочка беззаботно играла в куклы, разливая им чай в маленькие пластмассовые чашечки.

Было ли мне на тот момент жаль этих денег? Честно, очень. Но я племянку я любила больше и никак не могла позволить ей оказаться на улице!

В итоге пухлый приятно шуршащий плотный конверт плавно переключался в руках невестки.

– Спасибо, Иришка, – прошептала Лара, обхватывая в порыве благодарности мою холодную ладонь. – Мы всё вернём, Мишка говорит, что дела пойдут в гору, как только он сможет расплатиться с основными долгами...

Брат действительно поправил свои дела и сохранил квартиру, вот только вернуть мне долг он так и не смог. Ни через пару месяцев, ни через полгода.

– Мы же родные люди! Должны поддерживать друг друга! Помогать! В конце концов, прощать! – как-то высказалась сноха, загородив грудью красного от стыда Михаила, когда я в очередной раз спросила о своих деньгах.

Ругаться не стала, главное, что у Сашки была крыша над головой и еда на столе.

И больше я не касалась этой темы и продолжила своё существование в комнатухе о шести квадратных метрах. А потом заболела...

– Госпожа? – тихий женский голос и мягкое прикосновение к моему плечу выдернули меня из забытья, возвращая моё сознание к реальности. – Дорогая моя девочка, живого места на теле не осталось! – продолжила негромко причитать незнакомка.

С трудом, даже с усилием, я открыла глаза и через некоторое время смогла сфокусироваться на тонущих во тьме деревянных балках потолка. Это точно не моя комната и не палата в больнице.

– Где я? – просипела непослушными губами. Вырвался какой-то невнятный шёпот, – пить...

– Госпожа! – напротив меня возникло старческое встревоженное женское лицо. – Очнулась, родненькая! Сейчас водицы подам. Ох и напугали вы нас!

Её полный нежности и заботы голос, то отдалялся, то приближался. А после к моим жаждущим губам прижался прохладный край чаши.

– Пейте, да, вот так. Не спешите, госпожа Эйла, не то подавитесь!

А я не могла насытиться, настолько вкусной была вода! Холодная, бодрящая, она живительным эликсиром пролилась в желудок и стало чуточку легче.

– Вот и славно, моя милая. Вот и хорошо! Вы будете жить, я уж постараюсь, чтобы все ваши раны затянулись, и следа не осталось!

Женщина говорила что-то ещё, я же обессиленно откинулась на тощую подушку и смежила веки. И в этот раз мне не снились родственники-предатели. И, как это ни странно, несмотря на ломоту во всём теле, впервые за долгое время меня не терзала жесточайшая мигрень, связанная с болезнью, которую не могли вылечить, которая медленно, но верно вела меня к одному-единственному концу... Ещё несколько часов, а может быть, минут? назад я думала, что тот приступ был последним, но нет, я где-то здесь и я дышу. Я живу!

Дорогие друзья! Приглашаю вас в свою новую историю. Очень надеюсь, что это будет просто бытовое фэнтези, приправленное толикой приключений и окутанное шлейфом романтики))) Проды пока без графика.

***Всегда ваша,
Айлин.***

Глава 2

– Как госпожа? – тихий голос прозвучал откуда-то слева на некотором от меня расстоянии.

– Спит, чего шумишь? – проворчал уже знакомый мне женский голос.

– Я-то шумлю? – возмущённо пропыхтели в ответ, – я переживаю! А ты шикаешь на меня, старуха!

– Сам старый пень! – беззлобно огрызнулась моя временная сиделка, а я медленно открыла глаза, мысленно радуясь, что это удалось без особых усилий. Так же не спеша повернула голову в сторону говоривших. Мужчина и женщина обоим далеко за шестьдесят, наверное, даже все семьдесят. Лица испещрены морщинами и глубокими складками – печать непростой жизни. Но вот спины у них прямые, плечи расправлены, люди не горбились под тяжестью лет, фигуры жилистые, видны крепкие руки, в общем, и он, и она выглядели бодрячком! Удивительно!

– Ужо три дня лежит, народ волнуется, а ты молчишь, ничего не говоришь, – наседали на женщину пришедший за новостями мужичок.

– Дышит, а это главное. Я её отпаиваю своими настойками, и они взаправду помогают – сердце стало ровнее биться, хозяйка больше не стонет от боли, спит спокойно. Синяки по телу мазью мажу, посветлели чуть. Передай остальным, на поправку идёт. Дай Всевышний вскорости выздоровеет.

– Радостно слышать такое, – вздохнул старичок и выглянул из-за плеча моей сиделки. И наткнулся на мой непонимающий взгляд.

– О! – я чуть не оглохла.

– Ты чего орёшь?! – бабуся замахнулась, чтобы треснуть собеседника по спине, но проследила за его глазами и тоже увидела очнувшуюся меня.

– Госпожа моя! – позабыв о госте, кинулась ко мне, – как вы? Пить хотите, али поесть принести?

– Да, – прошептала, чувствуя, что сил стало больше, но в горле сухо, как в пустыне. – Если можно, просто пить, а потом, – прислушалась к себе, – и поесть.

Кроме нормального зрения, ко мне вернулось и обоняние и пахло от меня не розами, уж точно.

– Сейчас-сейчас я быстренько на кухню и назад к вам. Коли есть захотели, то уж точно на поправку дело идёт! Заживём! – и поспешила к двери, потянув следом за собой счастливо улыбавшегося старичка.

Пока отсутствовала сердобольная бабушка, нашла в себе силы и приподнялась на локтях. Что-то было не так и это связано не с запахами, а с мироощущением, точнее, с телоощущением. Кто-то туго перетянул рёбра, оттого дышалось с некоторым трудом. Но смутило вовсе не это...

– О боже! – прошептала, оглядывая тощую фигурку под тонким шерстяным пледом. В заплатах.

Это же сколько я пролежала в беспамятстве, что настолько отошала? Где мои законные восемьдесят килограмм?!

– Одни кости! – неверяще, прошептала я, с трудом приняв сидячее положение, откинула покрывало и уставилась на своё исхудавшее в край тело.

И тут же схватилась за лицо, мяла, тянула. Кожа упругая, без морщинок, если верить ощущениям. Огляделась в поисках зеркала, не нашла.

Пришлось щупать: нос вроде мой, и губы похожи на прежние, а вот шрама над виском нет. Потрогала шею и всё, что ниже. Грудь небольшая, упругая, талия тонкая, ни грамма жира и противного нависающего "кармашка" снизу...

Та-а-ак. Нужно успокоиться, вдох-выдох. Навести панику – всегда успею. Для начала следует разобраться в ситуации.

Огляделась.

Скучно обставленная комната: узкая кровать, на которой я сидела, подле комода с какими-то глиняными чашками, у единственного в помещении окна с плотно задёрнутыми шторами, квадратный стол, подле него два стула с резными спинками, несколько пустых полок, приколоченных к обшитым деревом стенам, на полу плетёный коврик. И вот вроде, и всё.

Скрипнула дверь, выдёргивая меня из странно-задумчивого состояния.

– Вот, госпожа, милая моя, – в комнату вошла всё та же женщина. В руках она несла увесистый поднос, с дымящейся глиняной чашей на нём, кружкой и кувшином. – Похлёбка мясная, с овощами, ломоть хлеба, и вода с вином.

– Эм-м, – пробормотала я, следя, как аппетитно пахнущий обед или ужин? плавно приземлился на стол. – Кто вы? – решила пойти ва-банк, действительно, рано или поздно придётся с ней заговорить и притворяться, что я её знаю – последнее, обречённое на провал, дело.

Руки старушки дрогнули, посуда звякнула, и женщина, чуть помедлив, обернулась. Глаза круглые, шокированные. Натруженные, заскорузлые пальцы схватились за край старого, но чистого фартука и смяли его.

– О Всевышний! Вы не помните меня? – и слёзы в глазах.

– Я ударилась затылком, – выдохнула, не зная, как быть. Всегда терялась при виде чужих слёз, – в голове туман, никого и ничего не помню. Что это за место? Как я тут очутилась? И вообще, кто я сама такая?

Бабулька подтянула к себе стул и обессиленно на него рухнула. По морщинистой щеке побежала крупная прозрачная слеза.

– И как же нам теперь быть? – всхлипнула она.

– Не плачьте, – мне было искренне жаль несчастную женщину, я свесила ноги с кровати и хотела было встать, чтобы подойти к ней, но не успела ничего из этого сделать.

– Вам пока нельзя ходить! Сил мало, оступитесь, упадёте! Меня Шелька зовут, я ваша помощница, пособляю по хозяйству! – тараторила она, помогая мне вернуться в лежачее положение.

– Шелька, по нужде сходить всё равно придётся! – воскликнула я и дёрнула плечом, чтобы вырываться из её цепких рук. Вышло слабое трепыхание и заболели рёбра.

– Охохонюшки! Сейчас-сейчас, – шмыгая носом, моя сиделка резво наклонилась и вынула из-под кровати... утку. То есть подобие мочеприёмника, допотопный, но вполне определённой формой, которая не оставляла сомнений в назначении сего предмета.

– Ну уж нет! – фыркнула и строго нахмурилась, – веди в уборную!

И меня повели, поддерживая с одной стороны. Пришлось выйти из комнаты, шаркая ногами в кожаных башмаках, и преодолеть некоторое расстояние – туалет находился в другом конце коридора. Что же, я уже потихоньку догадывалась, что не всё так просто и это место далеко не привычная городская квартира со всеми удобствами. И выносной большой горшок, стоявший за ширмочкой, являлся прямым доказательством, что занесло меня неизвестно куда. Страх подступил к горлу, но радовало одно очень важное обстоятельство – я жива, у меня не ломит виски и не идёт носом кровь. А с остальным можно разобраться.

Сделав свои дела, также с помощью Шельки, её присутствие смущало, но без умелых действий женщины я бы провозилась неизвестно сколько времени, подошла к тазу и мне полили на руки из рядом стоящего кувшина. Умылась: плеснула в лицо и на шею, стало легче. И взгляделась в мутное отражение.

И пусть изображение плыло, было не чётким, но это точно моё лицо. Молодое, симпатичное, курносое, овальное. Шок. Непонимание. Всё это посетило меня с удвоенной силой, но

я смогла сдержать возглас и, взяв в руки чистую тряпицу, заменявшее здесь привычное полотенце, насухо вытерлась.

– Как меня зовут, Шелька? – оказавшись снова в своей комнате, спросила я вдруг ставшей молчаливой, женщину.

– Госпожа, ваше имя Эйлианна Бейл. Вы хозяйка этого дома и земель вокруг него, – через минуту, ответила она и снова всхлипнула.

Я же, чувствуя, что этот небольшой променада до отхожего места оказался не самой хорошей идеей – болели-гудели ноги и ушибленные рёбра, устало присела на краешек кровати и выдала:

– А теперь по порядку. Мне нужна твоя помощь, чтобы всё вспомнить. Без тебя я не справлюсь, у меня никого нет. Такое ощущение, что я осталась одна в целом мире, – говорила искренне, поскольку так оно на самом деле и было. Слёзы невольно застили взор. Стало так жаль саму себя, аж выть захотелось. И это моё состояние Шелька очень чутко уловила, потому что перестала шмыгать носом и взялась утешать меня, поглаживая меня по узким плечам, начала рассказ.

Глава 3

– Вы внебрачная дочь графа Лемана, этот дом, территория вокруг и лес – всё это ваше. Он подарил всё это вам. У графа двое законных сыновей, все они наследники большого состояния, но вы единственная, пусть и незаконнорождённая, дочь. Граф любил вашу мать, помершую во время родов, но и взять вас в свой дом никак не мог. И вы со своей няней были отправлены сюда. Ваш отец, заботился о вас, пока не помер, даже посылал учителей, дабы дать вам хоть какое-то образование...

Шелька говорила, глядя в одну точку, словно пересказывая чьи-то слова, хотя, возможно, так оно и было.

– Полли – ваша кормилица и няня, умерла несколько дней назад.

Женщина замолчала, как-то устало вздохнула и перевела взор своих блёкло-зелёных глаз на меня. Я же прилегла, дабы дать отдых измождённому телу.

– Я перешла границу не так давно, и живу здесь всего ничего, но Полли для меня стала самой лучшей подругой. Светлый человек, прекрасный душой и помыслами. Мне её будет не хватать.

Я молчала, не зная, что сказать. Для меня та женщина, о которой с такой теплотой в голосе отзывалась Шелька, была чужой, но чтобы уж совсем не показаться равнодушной, нахмурилась, стараясь не переигрывать и изобразить хотя бы чуточку печальное выражение на лице.

– Вы сильно горевали, – продолжая сверлить меня взором своих больших глаз, продолжила говорить бабулька, – совсем расклеились. Но на зачем-то пошли в его логово...

Какое такое "логово"? Фраза царапнула слух, но вмешиваться в монолог разговарившейся помощницы не спешила.

– Вы упали со скалы, когда шли через ущелье, мужики не поняли, как сие произошло, опомнились, но было уже поздно. С обрыва сорвались, прямо в подземную реку. Я всё ещё сильно удивлена, что вы вообще выжили.

А как я удивилась сему обстоятельству! Если верить интонациям Шельки, я должна была переломать все кости так, что не собрать!

В глубине души ко мне уже пришло понимание, что всё же та девушка умерла. Эйлианна Бейл погибла и в её теле очутилась я, Ирина Полёва. В своём мире или времени я тоже скончалась. В гордом одиночестве в палате. Никому не нужная. И вдруг так жалко себя стало, хоть волком вой!

Слёзы прочертили горячую дорожку...

Шершавые ладони прикоснулись к щекам, отирая солёную влагу.

– Поплачьте авось полегчает, да и вспомните чего важного, – приговаривала Шелька, мягко поглаживая мои волосы и плечи.

Может, я бы и успокоилась вскорости, но проявленное искреннее сочувствие и тепло от совершенно постороннего человека, прорвало плотину – я заревела безобразно, вздрагивая и сотрясаясь всем телом. Всё накопившееся вырвалось наружу. Не люблю проявлять столь сильные чувства, даже будучи наедине с самой собой, но вот сейчас взвыла раненым зверем, честно, оно само как-то так вышло... Никогда в жизни не позволяла себе подобного.

Успокоилась не скоро, продолжать разговор в таком эмоциональном раздразе не было ни сил, ни желания, поэтому отпустила Шельку и обессиленно прикрыла опухшие веки. Засыпая подумала, что каким-то немыслимым образом оказалась тут. Задалась правильными вопросами: что это за место, возможно, какая-то параллельная реальность? Или просто земное прошлое? Судя по масляной лампадке, стоявшей на столе, электричество пока не придумали.

Или же блага цивилизации сюда так и не добрались. Ну, ничего, будет время и я непременно выясню, где нахожусь.

Утром меня разбудила скрипнувшая дверь – сон стал чутким, а слух острым. Давно я так прекрасно не слышала! Тут же распахнула опухшие веки – неприятные последствия вчерашнего водоразлива, и посмотрела на деловитую Шельку. Женщина прошла к окну и распахнула плотные занавески. Солнце ворвалось в комнату, заставляя меня зажмуриться от неожиданности.

– Утро добренькое! – поприветствовала меня она, – сейчас Сол завтрак принесёт, уж больно он хочет вас видеть и лично убедиться, что вы идёте на поправку.

– Доброе, – вяло улыбнулась я, хотела было извиниться за вчерашнюю сцену, но смолчала – меня зовут госпожой и хозяйкой, значит, по статусу я выше, и мои порывы просто не поймут. С другой стороны, всегда нужно оставаться человеком, какое бы положение ни занимала, посему сказала так: – Шель, спасибо вам за доброту... за сердечность проявленную, за заботу искреннюю.

И реакция на мои слова, сказанные в порыве благодарности, последовала незамедлительно! Помощница быстро ко мне подошла, присела на краешек кровати и шепнула:

– Не стоит, я вас, как внучку свою полюбила. Вы и ваш дом стали мне родными, – она потянулась к моей руке и мягко сжала.

В дверь негромко постучали, даже как-то неуверенно, отвлекая нас от разговора.

– Войдите! – ответила моя "сиделка" и створка тут же распахнулась. В проёме показался седой высокий мужчина. Худощавый, с прямой спиной, множеством морщин на лице, шее и открытой части рук. Глаза пронзительно-голубые. Увидев меня, лежащую на кровати, сочувственно поджал губы и перешагнул через порог. Пришедший держал перед собой увесистый поднос, на котором стояли какие-то миски и кувшин со стаканом.

– Хозяйка! – осторожно заговорил мужичок, – как же я рад, что вы и правда на поправку идёте! Я ведь сам вас из воды вытащил, потом домой отнёс. Зазря вы с нами к Джеку пошли, сами бы с ним переговорили, просил же вас, не ходить, но вы же упрямая, ничем вас не переубедить было!

Сол оказался ещё тем ворчуном, но очень подвижным: пока говорил, успел пройти в комнату, расставить на столе завтрак, и даже поправил занавески, чтобы покрасивее было, складка к складке.

– Шелька говорит, вы память повредили, так и неудивительно, свалиться с такой-то высоты! А ещё она ревела вчера, глупая баба! Человек, главное, жив остался, а она нас чуть не утопила на кухне своими слезами, – Сол подошёл к моей кровати поближе, словно хотел убедиться, что я всё же дышу, даже голову наклонил чуть вперёд, будто бы прислушиваясь. – Проверяющий прибудет токмо через несколько месяцев, успеем мы спрятаться, нечего раньше времени переживать было и дёргать вечно занятого Джека.

Всё интереснее и интереснее, кто такой Джек, что за проверяющий и зачем им или нам прятаться от него?

– Я сегодня булок испёк ароматных, только для вас. Муки мало осталось, надо в город ехать. Скоро сезон, постояльцы понаедут, чем кормить их будем? – продолжал он вываливать на меня тонны информации. – Зима закончилась, весна пришла, скоро можно будет проехать, снова народа тьма набежит, не протолкнуться станет! Вертеться-крутиться придётся, а я один, помощник нужен, сведущий в готовке.

Я тихо вздохнула. День ещё даже толком не начался, а уже какие-то проблемы назрели и решать их не кому-то, а мне.

Глава 4

Сол ушёл, так и не дождавшись от меня хоть какого-нибудь внятного ответа на озвученные проблемы. Я просто промолчала. Мне нужно время, чтобы вообще осмыслить своё пребывание в чужом теле и, по всей видимости, мире.

С помощью Шельки встала и направилась на выход, опираясь на сердобольную женщину. Променад до уборной, затем назад в комнату. По пути мне никто так и не встретился. Странно, я думала в этом доме гораздо больше людей, если судить по обмолвкам новых знакомых.

Помощница помогла натянуть серого цвета платье, и хотела было остаться, чтобы покормить меня с ложечки, но я категорично отказалась и попросила меня не беспокоить. Шелька недовольно поджала губы, но противиться моим словам не стала, кивнула и вышла, тихо приотворив за собой дверь.

Держась за край стола, медленно села на стул и выдохнула. Вот тело молодое, но чувствую себя самой настоящей старухой, которая ещё немного и развалится.

Подтянув к себе глубокую тарелку с кашей на вид овсяной, опустила в густую массу деревянную красиво вырезанную ложку. Зачерпнула и отправила в рот. Солоноватая с отчётливыми нотками сливочного масла и кусочками какого-то разваренного мяса. Очень вкусно! Мне показалось, что я никогда не ела ничего вкуснее! Следом в дело пошла большая округлая булочка, с ароматом мёда, сладковатая, воздушная, и неважно, что серого цвета. Эта сдоба была просто обалденной!

И всё это великолепие я запила горячим травяным взваром: терпкость и "холодок" мяты смешался с кислинкой и сладостью сушёных ягод малины и согревающим нектаром пролился внутрь.

Зажмурившись, наслаждалась каждым глоточком невероятного напитка. После сытного завтрака жизнь уже не казалась такой хмурой, беспросветной. Появилась энергия, кровь словно стала горячее.

Итак, теперь я молодая женщина с интересным, даже красивым именем – Эйлианна Бейл. Незаконнорождённая дочь какого-то графа, это, естественно, гораздо лучше, чем если бы я угодила в тело бесправной холопки или замученной тяжёлым трудом простолюдинки.

У меня есть дом и даже кое-какая земля во владении. А это уже немало! Мне посчастливилось переродиться в человеке с внешностью очень схожей с моей предыдущей и в относительно здоровом теле, но, думаю, раны заживут, и эта проблема исчезнет сама собой. Меня окружают какие-то люди, вроде как готовые прийти на помощь и не бросить в беде. Если всё в действительности так, то это очень неплохо! Но верить без оглядки, кому бы то ни было, не собираюсь. Время покажет, а действия докажут. Если честно, то я бы и одна неплохо себя чувствовала.

Отставив в сторону опустевшую глиняную кружку, посмотрела в окно. Взгляд упёрся в шершавую кору мощного дерева: именно оно отбрасывало тень на эту часть дома, а в частности, на мою комнату, поэтому так сложно было по первости понять, какое время суток. Кряхтя и морщась, встала, обогнула стол и выглянула в окно, в котором не было стёкол, только ставни, сейчас широко распахнутые. Пришлось наклониться вбок, чтобы разглядеть то, что скрывалось за мощным стволом древнего дуба.

Моё сердце замерло на мгновение, зависнув где-то в центре грудной клетки, словно в невесомости, а потом забилось сильнее.

Вдали виднелся густой лес, он был везде, куда бы я ни бросила взор, а за ним... горная гряда с белоснежными пиками, многие из которых скрывались в пелене перистых облаков. Время остановило свой бег... У меня свело бок от неудобного положения тела в пространстве,

в ладонь впиалась мелкая заноза, но всё это казалось мелочью перед величием природы – я затаила дыхание, боясь моргнуть, а вдруг вся эта красота возьмёт и исчезнет?

Местами у лесной кромки виднелись подтаявшие, ноздреватые, но всё ещё крупные сугробы. Пели птицы, радостно приветствуя весну и солнце, что настойчиво согревало землю и вскорости должно было растопить "дары" зимы.

– Госпожа! – дверь скрипнула, и я вернулась в реальность. – Да что же это такое! Из окна так недолго и выпасть!

– Я скорее ваших криков напугаюсь и свалюсь, – негромко проворчала под нос, но втянула корпус назад в комнату. Потирая сведённый судорогой бок, повернулась к Шельке и вяло улыбнулась: – не переживай, мне просто было любопытно, что там скрывается за деревом.

– Дык сказали бы! Проводила бы вас вниз, у нас такое крыльцо большое, скамейки стоят, красиво вокруг и удобно посидеть, отдохнуть.

– Это всё прекрасно, – кивнула я, благодаря женщину за вовремя подставленное плечо, – но давай теперь я буду задавать вопросы, а ты дашь мне как можно более чёткие ответы, – обращаться на "ты" к женщине по сути намного лет меня старше, оказалось непросто, но я выше по положению, статус обязывает. Правила на то и существуют, чтобы им следовать, и никуда не деться от новых реалий. Придётся просто привыкнуть.

Устроившись на кровати, откинула саднящую спину на большую взбитую подушку, дождалась, когда Шелька усядется на стул напротив, и начала своеобразный допрос:

– Итак, кто такой Джек? И почему я, словно с ума сошла, отправилась к нему на ночь глядя?

– И я вам также говорила, но вы упрямая, если что втемяшите себе в голову, так всё, ни за что на свете не отступите! Возможно, вы соскучились по Джеку, ведь он давно к вам не захаживал, считай целую зиму. Вот вы и отправились к нему под благовидным предлогом: договориться о временном убежище для нас, тех, кого по его же просьбе и приютили. Джек – главарь банды разбойников, что промышляет на основном тракте и на дорогах по ту сторону гор. Сильно не наглеют, обдирают только богатеньких, потом продают через свои какие-то пути, помогают тем, кто голодает.

Час от часу не легче! Какие-то шуры-муры с местным «Робином Гудом». Пфе!

– Своим промыслом занялся аккурат два года назад, когда случился первый сурьёзный неурожай в обоих королевствах. Но вам тут повезло больше – король не самодур и хоть как-то, но заботится о своих подданных, например, выделяет из казны средства на покупку зерна. Не то, что в соседней стране, там совсем плохо. А прошлой осенью, когда старики и дети его родного поселения пухли от голода, взял, да и перевёз нас всех сюда. Уже тогда вы были знакомы с ним и, – женщина помялась, но всё же сказала: – любили Джека больше жизни.

Ага-ага, притащил кучу нелегалов и загрузил ими же влюблённую в него девчонку. А что, удобно. Как ни крути, со всех сторон он хороший, герой.

Но моя собеседница явно что-то недоговаривает, нужно надавить на неё и выяснить всё до конца.

– Как только дорога полностью оттает, сюда приедет проверяющий. Он появляется здесь раз в пять лет. И если найдёт нас, вас упекут в темницу.

"Что-о?" – мысленно взвыла я, сумев удержать восклицание и не выпустить его наружу. Но бурлящие во мне эмоции не позволили затмить голос разума:

– Погоди-ка, – помассировав вдруг заломившие виски, я замерла на минуту, обдумывая услышанное, – почему меня могут посадить? Какая причина?

– Налог. На вашей земле числятся люди, за каждого из них вы платите в казну круглую сумму. Таких людей, прикреплённых к вашей земле и имеющих подтверждающие бумаги, всего ничего: два конюха, два повара, три помощницы на кухне, три горничных, две подавальщицы, один принеси-подай сколоти-почини. Итого тринадцать душ. За нового работника раз

в год надо платить один серебряный, считай полноценные две коровы отдать. Это очень большие деньги.

– А по факту? То есть, сколько здесь живёт на самом деле? – чувствуя, что ответ мне не понравится, осторожно уточнила я.

– С прошлой осени нас стало тридцать человек, – выпалила Шелька, а моя челюсть против воли поползла вниз.

– Как вы, то есть мы, пережили зиму?

– Дык, госпожа, ради того, чтобы Джек смотрел на вас одобрительно, вы готовы были работать не покладая рук.

Охохонюшки! То-то тело такое измождённое!

– Пойдём! – свесив ноги с кровати, решительно заявила я, – вопросы мои ещё не закончились, но мне хочется подышать свежим воздухом и поглядеть на свои владения!

Шелька понятливо кивнула и помогла мне натянуть на ноги какие-то знавшие лучшие времена, благо хоть кожаные, сапожки. Если у бывшей Эйлианны в женихах ходил лихой разбойник, неужто не мог обеспечить её приличной обувью? Моему возмущению не было предела! Такого ухажёра в шею гнать надо было!

Глава 5

Лестница скрипела. Бедная стонала на каждом нашем шагу, пусть пока негромко, но неприятно. Мы ступали с Шелькой вниз по ступенькам, делая короткие передышки. А я, сосредоточившись на спуске, не обращала более ни на что внимания. В голове был ворох мыслей, но боль в членах и рёбрах не давала сосредоточиться хотя бы на одной из них.

Держась одной рукой о стену, обитую тонкими деревянными дощечками, потемневшими от времени, местами отвалившимися или расколовшимися, мы медленно двигались, переступая со ступеньки на ступеньку. Наконец-то преодолев последнюю из них, облегчённо-протяжно выдохнула и смогла осмотреться: не только стена у лестницы, но и всё вокруг было обшито деревянными тонкими дощечками. Пол же покрывали толстые доски, начисто выметенные. Вообще, мне нравилась чистота тут царящая, люди стремились к порядку. Это радовало.

Лестница, по которой мы буквально черепашьями шагами сползли, оказалась боковой и уютилась в тёмном углу большого обеденного зала. Народа здесь было немного.

Итак, кроме законных тринадцати душ, за которые платится налог, на теперь уже моей висят ещё семнадцать. В данном помещении я насчитала всего десять человек. И они точно не являлись постояльцами, поскольку никто из них не ел. Все чем-то занимались: трое мальчишек подросткового возраста натирали столы до блеска, словно хотели превратить их в гладкие зеркала, две девчушки помладше разделились: одна мыла полы, другая тёрла стены до той высоты, до которой ей позволял стул. Между ними ходила какая-то женщина и раздавала короткие указания. У стены напротив нас с Шелькой стояла скамейка, на ней устроилось четверо стариков, они о чём-то негромко переговаривались, а одна из них так и вовсе эмоционально жестикулировала, явно несогласная с собеседниками.

– Мхм-мхм! – вперёд вышла моя помощница, я же устало привалилась к крепким перилам и замерла в ожидании. На нас тут же уставились все присутствующие.

– Хозяйка очнулась!

– Госпожа пришла в себя!

– Ледюшка живая!

Разные возгласы посыпались на меня со всех сторон! И все они были весьма искренни, полны радости и обожания. Значит, Эйлианну любили и точно переживали за её благополучие. Быть злодейкой как-то не особо хотелось.

Только одна из присутствующих отреагировала странно: та самая высокая девица, что следила за работой детей, ей было около тридцати лет, статная такая, с косой цвета спелой пшеницы, толщиной с мою руку, ой, ну теперь, наверное, с ногу. В общем, красotka! Я рядом с ней моль бледная, полуобморочная, не иначе. Лишь эта женщина едва заметно недовольно поморщилась и поджала губы, превратив их в тонкую линию.

Меня же мучил вопрос: а где же обретаются оставшиеся двадцать?

– Мы так рады, что вы идёте на поправку! – та самая бабушка, что эмоционально жестикулировала, шустро подскочила со скамьи и быстро подошла ко мне, – милочка, вы заставили нас крепко поволноваться! Кабы вы померши, нас бы того, выкинули, как никому не нужное старое барахло прямиком в яму долговую.

Я удивлённо посмотрела на подвижную бабуся и не сдержала улыбки: забавная и говорит то, что на самом деле думает. Кожа светлая, с чётко выделяющимися старческими пигментными пятнами, которые, впрочем, нисколько её не безобразили. Морщин много, но они были неглубокими и не портили приятное лицо.

– Цыц, Варька, чего брешешь? – шикнула на неё Шэлька и подхватила меня под локоток, намекая, что отдых закончен, пора идти дальше.

Я же продолжала смотреть на этих людей, подмечая некоторые очень важные детали в их внешности: старая, грубая обувь, поношенная одежда, натруженные руки и обветренная кожа, даже у детей мозолистые от тяжелого труда ладони. Все очень худые, но не до болезненности. Видать, бывшая Эйла обеспечивала их всем необходимым. А это стоит большого уважения.

– Ваша верхняя одёжа, – мне протянули потрёпанный длинный вязаный кардиган с капюшоном. Я медленно с помощью Шель накинула его на плечи и вышла в услужливо распахнутую дверь.

– Почему вы перешли сюда через горное ущелье? – оказавшись на широкой крытой веранде, продолжила допрос. – Не побоялись опасностей, диких зверей, камнепадов. А ещё я чувствую, что этот самый Джек совсем не хотел с вами возиться... Говори всю правду. Ничего не скрывай, всё равно узнаю. Я сейчас не помню этого благородного главаря разбойников, так же, как и не испытываю к нему никаких чувств. Он для меня чужой, как и все вы, к сожалению, – я решила быть предельно честной с собеседницей и, судя по её вспыхнувшим глазам, она оценила, даже как-то иначе зауважала меня. – Через призму отсутствия каких-либо привязанностей, в частности, к Джеку, вся ситуация видится мне в таком свете: вас просто кинули на волю судьбы, сбросили на плечи незнакомой девчонке, как ненужную обузу. При этом никакой посильной помощи в дальнейшем обустройстве не оказали.

Женщина тяжело опустилась рядом со мной на узкую скамью и посмотрела вдаль, на великолепные горы и дремучий лес, раскинувшийся в нескольких километрах и манивший к себе своей небывалой девственной красотой.

– Не хотел, староста пригрозил, что тогда расскажет гвардейцам, где его найти. Джеку пришлось...

– Ну вот, теперь более-менее похоже на правду, – хмыкнула я, глядя на чёткий профиль женщины.

– Он выделил одного провожатого, и проводник, кстати, теперь живёт здесь же, Джек велел ему не возвращаться до весны.

– Как странно звучит, – сердце сжалось в предчувствии неважных вестей.

– Потому что, – Шелька совсем понизила тональность, практически до шёпота, – Джек боялся, что Харви заразит его и всех членов банды, потому что в нашу деревеньку пришёл мор, – прошептала Шелька, понуро опустив плечи, – и это было главной причиной, по которой мы побежали. Не все дошли... Те, кто заболел, остались в домах, в деревне, мы их бросили там умирать...

Шок, непонимание, страх – все эти чувства накнулись на меня, как оголодавшая стая волков.

– Та-а-ак, – вот это новости, то есть Эйлианна не побоялась принять потенциально заразных людей к себе под крышу. – А я об этом знала?

– Нет... – прошептала женщина, пряча взор. – Джек сказал молчать, иначе вы откажете нам в доме. Нам нужно было тёплое место, жить в горах в холодных пещерах с детьми, сами понимаете... – глухо признавалась она, пока я тихо офигевала.

Если по-простому, этот самый Джек, зная всю ситуацию, подверг девушку смертельной опасности, а сам слился. Переживал результатов в своих пещерах. А бедная Эйлианна крутилась-вертелась, аки пчёлка, не ведая, что может умереть от страшной болезни.

– А земли, – медленно проговорила я, стараясь сформулировать пришедшую мысль верно, – кому я завещала эти земли в случае своей безвременной кончины? Ведь не могла же я оставить такой важный вопрос без внимания!

Шелька молчала. А я начинала закипать.

– Так он же даже не муж мне! – хотела вскочить, но рёбра буквально взвыли, не давая мне дёрнуться в отчаянном порыве.

– Джек обещал жениться на вас этой весной.

У-у-у, какой тут оказывается тугой клубок интриг! Хотя, казалось бы, простой люд, обыкновенные нравы!

А вообще, ситуация странная, пусть и отдалённо, но похожая на ту, что случилась со мной в прошлой жизни: я отдала деньги под честное слово, без расписки или иных документов людям, которых считала самыми близкими на свете. И они предали меня.

И в этом мире, похожая на меня девушка, вручила всё своё состояние мужику под влиянием чувств, слепо доверяя некоему лихому "благородному" разбойнику (насколько благородному нужно ещё разобраться). При этом Джек приходился ей ровно никем. Попросту любовник, просто какой-то чужой человек!

На деле же выходит, что он хотел списать Эйлу со счетов. Навсегда.

Возможно, то её падение с уступа было далеко неслучайностью.

Глава 6

– Вы стали какой-то другой, – также негромко заметила Шелька, прерывая мои размышления о странностях существования и превратностях судьбы.

– Когда у человека напрочь исчезают воспоминания, думаю, быть иной – закономерно.

– Ох и мудрёные же слова вы говорите, – покачала головой помощница.

– Ты мне лучше скажи, кто и чем занимается у меня во владениях. Где остальные?

Женщина кивнула, переключаясь со своих мыслей на более насущные:

– Там в едальне пятеро детей, есть ещё пять, помладше, они с матерями ушли на реку, там стирка у них сегодня. Пятеро стариков, я и Сол – одни из них, все в доме; Донела-краса, вы её в зале видели, ничем обычно не занимается, только командовать любит, она сестра Джека, не родная, но всё ж, вы её очень уважаете, то есть уважали и даже вроде как, побаивались. Сол главный повар, ему помогают женщины, второго повара вредный старикан всё никак не может выбрать. Харви и ещё восемь мужчин ушли в лес на охоту, кабы не они, голодно было бы зимой. Лес ваш, охотиться можно сколько угодно. Наши добычки шкурки ещё выделывают и на торжище собирают. Вот тракт отгадет, поедут в Дальний и там на рынке выгодно распродадут.

– Звучит неплохо, – покивала я, запоминая столь важную для себя информацию. Мне тут жить, деньги нужны, а следовательно, необходимо знать уже имеющиеся варианты их заработка. И продумать иные пути обогащения. Собиралась ли я избавляться от скинутых мне "щедрым" жестом постояльцев? Нет, они останутся жить здесь, нужно лишь собрать необходимую сумму и заплатить налог за всех. А это, если верить Шельке и Солу, просто космическая сумма.

– Мне нужно в лес, – пробормотала под нос, оглядывая виднеющееся богатство вдаль. – И в горы сходить бы.

– А что вы там забыли? – всплеснула руками Шель, округлившимися глазами глядя на такую странную по её мнению меня.

Ну, не скажешь же ей, что я по образованию геолог, но всю жизнь проработала учителем географии в простой школе. И что, возможно, настала пора осуществить все свои скрытые таланты и найти клад? Мигом озолочусь и по щелчку пальцев решу все свои проблемы. А-ха-ха! Еле сдержалась, чтобы не расхохотаться в голос – настолько эти мысли показались мне сумасбродными и далёкими от реального положения вещей.

– Когда у вас обед? – перепрыгнула я на другую тему.

– Какой обед? Мы кушаем два раза в день: ранним утром и поздним вечером, аккуратно, когда солнце коснётся горизонта, к этому времени охотники вертаются, сразу же за стол все и садятся.

Вот оно значит как.

Вся территория трактира была огорожена достаточно высоким, даже на вид добротным, каменным забором, высотой около двух метров, в широко распахнутых въездных воротах виднелась наезженная разветвляющаяся на три стороны света дорога, одна её часть вела напрямик к лесу, вторая сворачивала круто в сторону, как и третья в противоположную, оба "рукава" исчезали из поля моего зрения – мешала ограда, не позволяя рассмотреть дальнейшие их направления.

– Помоги пройти, хочу поглядеть, что там за забором, – велела я женщине, при этом мой тон не допускал пререканий. Мне нужно двигаться, пусть медленно, но тем не менее. Всегда считала, если ноги не отказали, то всё остальное – ерунда. Движение – жизнь, даже если только вчера тебе сделали полосу операцию, ты не должен лежать умирающим лебедем, а стремиться быстрее подняться и ходить. И пусть это всего лишь три метра в одну сторону и столько же обратно.

Женщина тихо вздохнула, но помогла мне встать и также предложила своё узкое плечо в качестве опоры. Но я всё же старалась не сильно опираться на помощницу, чай та не молоденькая девочка. Так и пошаркали к воротам. С каждым шагом я ощущала всё больше желания жить. Мне хотелось чего-то большего, нежели в прошлой жизни, когда я носилась от работы до дома, упустив моменты, что надо бы остановиться и задуматься, а, собственно, куда я бегу? Как оказалось, в никуда, везде опоздала, личного счастья не нашла, карьеру не сделала. Как-то глупо всё, и болезнь эта под конец, за что? Не заслужила же, чужого не брала, не обманывала, старалась быть честной со всеми вокруг, но вот сама с собой... Эх! Я даже невольно дёрнула плечом, дабы отогнать тоскливые мысли и пустые сожаления.

Через некоторое время мы вышли за периметр двора и я принялась с любопытством осматриваться: действительно, одна дорога вела точнёхонько в лес, а две другие в противоположные друг другу стороны: налево колея "бежала" стрелой, а потом где-то там вдали вроде как сворачивала налево; третья широкая натопанная тропа, вела к сверкающей на ласковом весеннем солнышке реке. Узкой, но достаточно бурной.

– Звонкая, – поделилась информацией Шелька, смотря в ту же сторону, что и я.

Молча кивнула, благодаря за новое знание и продолжила с интересом следить за приближающимся женским квартетом, в окружении шустрых малышей возрастами от пяти до семи лет.

– С краю Росса и рядом с ней две её дочери, дальше Нани с сыном, после Пенни со своей ненаглядной дочерью, а затем Галена с малышом Шоном. Дома на уборке осталась Лика. Все они занимаются разными хозяйственными делами, в том числе помогают Солу на кухне. Всеми ими руководит Донела, как я вам уже говорила, сестра Джека.

– Ага-ага. А я то, что делала в своём доме? – задала закономерный вопрос.

– Ну, – Шелька замялась, – тоже со всеми ними работали...

– Пахала, так и говори, – фыркнула я, – ясно. Ну ничего, разберёмся, – прищуриль глаза от яркого солнца, твёрдо сказала я и широко улыбнулась подходящим к нам женщинам, дабы хоть немного их приободрить.

Боже, какие они замученные! А эта Донела или как её там, цветёт и пахнет, явно тяжелее ложки в руках давно ничего не держала. Но я ещё погляжу на весь этот цирк со стороны, не будем делать скоропалительных выводов, а потом, как разберусь со всем тут творящимся, так и начну наводить порядок.

– Где можно найти ближайшего поверенного? – продолжая добродушно улыбаться, спросила я.

– Дык в городке, что в дне пути отсюда, – пожала плечами Шелька, а потом вдруг встре-пенулась: – Неужто хотите?..

– Конечно, хочу! Ещё как желаю!..

– Хозяйка! Как вы? – почти хором воскликнули женщины, всем им от силы было лет двадцать пять – двадцать восемь, но из-за сильно обветренной кожи они казались гораздо старше, кабы не детки, я бы так и решила. И ещё выражения их лаз – так смотрят многое повидавшие в своей жизни люди.

– Вашими молитвами, мои дорогие, – вздохнула я, чувствуя, как от девушек исходит настоящее, искреннее тепло, на миг ощутила некое единство с ними, но то точно были не мои чувства, а прежней хозяйки тела. Значит, она очень хорошо относилась к этим людям. – Правда, я ничего не помню, но это ведь не так уж и важно, главное, жива осталась!

После моих слов на симпатичных, пусть и в край усталых лицах, отразилось глубокое переживание.

– Шелька не пускала нас к вам, сама за вами ухаживала! – выпалила, кажется, Росса, тяжело опуская на землю огромный даже на вид увесистый деревянный в глубоких щербинах таз, заполненный под завязку мокрыми вещами. Также поступили и все остальные.

– Ничего-ничего, у Шель наверняка были свои причины так сделать, – проницательно заметила Нани, сверкнув красивущими зелёными глазами.

– Ну, не будем у порога обсуждать подобные вещи, – проворчала моя "сиделка", – пойдёмте в дом, нужно готовить его к сезону, скоро начнут пребывать первые путешественники.

Я же, слушая их короткий диалог, делала неутешительные для себя выводы. Местные, оказывается, думали так же, как и я. А ещё с затаённой жалостью глядела на их мокрые подола серых шерстяных нарядов, смотрела на красные от ледяной воды руки и думала, что жить вот так дальше никому не позволю!

Глава 7

Подниматься наверх в свои покои не стала. В сопровождении Шельки пошла вокруг постоянного двора о двух этажах. Здание было построено из светло-серого камня, и выглядело весьма крепким даже на вид. Почивший отец Эйлы явно позаботился, чтобы единственной дочери тут было комфортно, вот только он не предусмотрел возможных ухажёров, пришедших на порог дома девушки. Джек вскружил молоденькой хозяйке земель голову, бедняжка, настолько влюбилась в какого-то мужика, наверняка романтизировав его образ, в её глазах лесной разбойник выглядел благородным спасителем обездоленных. И пыталась ему соответствовать, в первую очередь жертвуя собой. Маленькая глупышка.

Я тихо вздохнула, думая, сколько таких девчонок погубило безрассудство, дух авантюризма и гормоны.

Задний двор представлял собой облагороженную территорию, поделённую на секции: левую сторону занимала очень вместительная конюшня с покатой крышей, подле неё суетились прежде виденные мной двое мальчишек-подростков, затем невысокий около метра штакетник. За ограждением в ряд росло несколько деревьев, однозначно яблонь, а после шла ничем не засаженная тёмная земля.

– Тут мы овощи выращиваем и всякую зеленушку, – словно прочитав мои мысли, прокомментировала до этого молчавшая Шель, – думаем, на днях взрыхлить землю, она уже достаточно оттаяла. А вон там колодец, воду питьевую для постояльцев и жителей подворья берём именно оттуда.

– Хорошо, – кивнула я, поскольку таскать вёдра от реки до дома – никакой спины не хватит. Даже молодой и относительно здоровой.

– Вы не переживайте, всё сделаем в лучшем виде, с землёй работать привыкли.

– А скажи будь добра, – уточнила я, – весь ли лес принадлежит мне?

– Насколько я помню, да, весь ваш, – нахмутив кустистые седые брови, медленно кивнула помощница.

– Я после посмотрю по бумагам, там наверняка карта владений должна быть, – задумчиво пробормотала я. – Пойдём домой, покажешь, где я хранила свои бумаги. Надо разобраться в деталях.

Войдя в основной зал таверны, подметила отсутствие детей и стариков – все куда-то таинственно исчезли. Но звуки, доносившиеся откуда-то из глубины дома недвусмысленно намекали, где их всех можно найти.

И снова бесконечный подъём по лестнице, затем Шель провела меня в мою же комнату и кивнула на кровать:

– Присядьте, сейчас достану вас сундук, – оставив меня, прошла в дальний тёмный угол за дверью, ловко встала на четвереньки, а затем, под моим удивлённым взглядом, простучала дощечки, одна из них как-то иначе скрипнула. Вот её Шелька и подковырнула. В полу оказался тайник.

– Вы только мне доверили секрет, сразу же после смерти своей нянюшки, – очень тихо, буквально одними губами, сказала моя сиделка и отложила в сторону вторую досточку.

Не прошло и минуты, как передо мной поставили небольшой деревянный сундучок, оббитый железными полосами, увесистый ключ женщина выудила из складок своего серого старого платья и протянула мне.

– Я пойду, погляжу, готова ли ваша похлёбка и мигом вернусь.

И вышла вон. Я же осталась одна. Это же надо, насколько Эйлианна доверяла Шельке!

Повертев в руках ключ, пожала плечами и вставила его в замочную скважину навесного замка. Провернула. С тихим щелчком механизм отворился. Откинув крышку ларя, заглянула внутрь.

– О-о как интересно! – разглядывая тринадцать свитков, замерла, боясь самого страшного в этой ситуации – вдруг я могу только говорить на их языке, а чтение и письмо мне недоступны? Решительно выдохнув, развернула один из них (*свитков*) и облегчённо прикрыла глаза. Буквы складывались в слоги, а после в слова и фразы. Кто-то или что-то наделили меня необходимыми умениями. Ещё бы память реципиентки оставили! Цены бы им не было!

Изучив первый документ, взялась за второй, а затем и за оставшиеся.

Тринадцать. С размашистой подписью "граф Леман". И налоги оплачены на пять лет вперёд на каждого. Ох какая приятная новость, просто великолепная!

В семь из них кто-то аккуратно вписал имена.

– Лика, Галена – подавальщицы, Пенни – горничная, Сол – повар, Стэн – садовник-разнорабочий, Грув, Олав – конюхи, – прочитала я вслух. – Хмм. Значит, этих людей Эйлианна наняла в качестве помощников, когда прибыла сюда, возможно, остальных работников отыскать просто не успела. Заявился Джек и поставил её перед фактом – принять немалое количество людей на содержание. Но отчего-то Эйла не спешила легализировать пришедших, хотя бы часть из них. Молодец, девочка! Просто умничка.

Зловеще изогнув губы, предвкушающе зажмурилась: ох, какие интересные перспективы передо мной открываются. И в этом списке точно не будет Донеллы и её прихвостней, которые точно есть в этой толпе. А вот куда спрятать на время остальных, я уже приблизительно знаю. Поэтому мне срочно нужно посетить, во-первых, нотариуса, а, во-вторых, лес. Не пойду я на поклон к этому Джеку, все проблемы отныне стану решать сама.

Также изучила карту земель, которыми щедрой рукой одарил свою дочь умерший граф. Что же, я весьма и весьма состоятельная молодая леди, вот только большая часть – неплодородная каменистая почва, непригодная для возделывания, исключение составляли лес и речка, протекающая поблизости от поместья. Ну и удобное расположение дома на развилке дорог: тут путники могли передохнуть и продолжить путешествие дальше.

– Шелька, – не успела женщина войти в мою комнату, шикнула я, деловито сворачивая карту, – дверь плотно прикрой. Разговор у нас с тобой будет. Серьёзный. Надобно обсудить мою поездку в городок Дальний. Подготовить всё к путешествию, и отправиться в путь так, чтобы ни единая душа не знала, что хозяйки нет дома. И для реализации сей авантюры нам нужны союзники, те, кому безоговорочно можно доверять!

Глава 8

Вот уж не думала, что Шелька в качестве доверенного лица приведёт ко мне... Харви. Да, именно того самого человека, которого Джек отправил помочь жителям деревни перейти через ущелье.

Но, подумав немного, пришла к выводам, что это вполне закономерно: ведь его предали, бросили на произвол судьбы.

– Садись, Харви, – кивнула ему, внимательно разглядывая суровое бородатое лицо, – в ногах правды нет.

Мужчина был около метра восьмидесяти, может, чуть выше, и обладал чрезвычайно колоритной внешностью начиная от широких плеч, заканчивая пронзительными, весьма умными чёрными глазами. Глубокий, но не безобразный шрам, прочертил дорожку над правой бровью и вниз, и терялся в длинных и на удивление чистых волосах.

– Прошу прощения, хозяйка, – пробасил он, сжимая в крупных ладонях широкополую фетровую шляпу, – с дороги, несёт от меня. Никак не можно приблизиться к вам.

– Я не жеманная барышня, уж как-нибудь выдержу запахи пота. Давай не будем пререкаться. Сказала, присядь, будь так добр, выполни просьбу, – говорила я спокойно, не поднимая голоса, при этом сделав ударение на важных словах, мне почему-то казалось, что этот мужчина не так прост, каким хочет выглядеть.

Харви молча едва заметно кивнул и прошёл вперёд. Сел. И посмотрел вроде как на меня, но складывалось впечатление, что смотрит он будто сквозь. Хмм.

– Я ушибла голову и потеряла память. Ты уже знаешь об этом, поэтому не буду повторяться, скажу лишь, что не помню вообще ничего и никого. Вы все для меня совершенно чужие люди и мне придётся всё начинать сначала. Итак, какое положение в банде Джека ты занимал?

Прозвучавший вопрос явно застал охотника врасплох, потому что Харви вскинулся и на этот раз вперил свои тёмные очи прямо в мои.

– Правой рукой, – прогудел он.

– Заместителем, значит, – покивала я, довольная, что мои догадки оказались верны, – и Джеку явно не нравилось твоя растущая популярность среди его людей, он испугался, что ты можешь занять его место, – с каждым словом лицо Харви темнело всё сильнее, а меж бровей мужчины пролегла глубокая хмурая складка. – Буду с тобой откровенна, – я перешла к сути, – Джек бросил тебя на произвол судьбы, вариант, что ты бы заразился в той деревне, был достаточно высок. – не стала я ходить вокруг да около, и рубила сплеча в стремлении вывести мужика на чистые эмоции, затем сыграть на этом.

И у меня получилось: Харви зарычал, как-то утробно, вызвав по моей коже волну мурашек. Я испугалась.

– Я служил ему верой и правдой, но когда пришёл в ту деревню и понял, что там происходит, то сразу же обо всём догадался. Я лучший проводник через горные тропы, поэтому не удивился приказу.

– Ты мог уйти, – заметила я, наблюдая за игрой эмоций на его суровом, словно высеченном из камня, лице. Желваки на щеках мужчины ходили ходуном, кулаки сжались в пудовые гири.

– Я не мог бросить людей... там же были дети! – глухо ответил Харви, вперив взор в пол.

А это хорошо, просто отлично! Качество, отражающее всю суть сидящего передо мной человека.

– Мне нужно покинуть поместье незаметно. Сегодня ночью, – не став продолжать предыдущую тему, перешла на насущную, – необходимо подготовить карету, коней и выехать без лишнего шума.

Харви перевёл задумчивый взор в распахнутое окно, где темнело бархатное небо. Лёгкий ветерок задувал в комнату и волновал язычки пламени в трёх свечах, горевших в разных частях помещения. Я не мешала охотнику думать.

– Когда все уснут, Грув и Олав, им вы можете доверять безоговорочно – эти парни точно преданные лично вам люди, выведут коней и экипаж на дорогу, – начал говорить он несколько минут спустя, – ворота недавно смазывали, скрипеть не будут. Я сам отвезу вас, куда скажете, и верну в целости и сохранности назад. Шелька пусть всем говорит, что вы захворали снова, и не желаете покидать свою опочивальню. В конюшню хода посторонним нет, исчезновение кареты никто не заметит, да даже, если и так, то мы будем уже достаточно далеко и двинем не по основному тракту, а лесными тропами. Не догонят. Да и не успеют – логово Джека в нескольких часах пути от таверны, пока до него донесут, мы укатим ещё дальше.

– Ты же понял, для чего мне это? – прищурилась я.

– Нет, я простой рабочий, дела хозяев меня не касаются, – слишком быстро ответил Харви, я же успела скрыть понимающую усмешку.

– Мне нужно к поверенному, справить кое-какие бумаги, – всё же высказала вслух цель поездки. Иногда стоит давать людям больше информации, особенно тем, кому в будущем придётся довериться.

– Вот и правильно, вот и верно! – не сдержавшись, крикнул Харви и довольно усмехнулся в густые усы, сверкнув крупными белыми зубами! Будучи в подобных условиях обитания, человек умудряется за собой ухаживать, а это достойно всяческого уважения. Знаю некоторых, живущих в цивилизации, где вроде бы все блага предоставлены, но эти индивидуумы могут себя запустить до такой степени, что больно смотреть!

Всю свою сознательную жизнь я была весьма терпеливым человеком, но вот сегодня отчего-то ожидание ночного бегства из собственного же дома изрядно вымотало мне нервы, я даже, наплевав на саднящие рёбра и тянущую боль в пояснице, около получаса вышаркивала от окна к кровати, пока усилием не заставила себя прилечь. В итоге измученная, забылась тревожным сном.

И проснулась аккуратно до того, как в мою дверь тихо поскреблись. Резко сев в кровати, отчего заныли ушибленные рёбра, ойкнула от боли, но всё равно достаточно шустро встала с лежанки и поковыляла к входу.

Луна ярко светила в приоткрытое окно, звёзды сияли ярче бриллиантов, загадочно мне подмигивая. Даже как-то насмешливо: копошись, букашка, рвись к лучшей жизни, а мы поглядим, не сломят ли тебя жизненные обстоятельства! Передёрнув плечами, отогнала странные мысли и настроение – не время предаваться столь пространному размышлению.

Отомкнув засов, приоткрыла створку, и тут же встретилась взором с Шелькой. В темноте коридора её глаза как-то странно даже лихорадочно блестели. Посторонившись, пропустила женщину, обнимавшую какой-то крупный свёрток, в комнату и тихо притворила за ней дверь, при этом потянув носом воздух.

– Ты что, выпила?

– Не ругайтесь, госпожа. Всего полстаканчика на грудь приняла, – извиняющееся пробормотала женщина, – для храбрости. Уж очень переживала за сегодняшнее дело.

Значит, не я одна нервничала. Приобняв старую женщину, успокаивающе прошептала:

– Не буду я тебя ругать, не волнуйся, главное, сильно. Вещи нашла?

– А как же ж! – закивала моя сообщница и выложила на стол мужские брюки, полусапожки, рубаху с какой-то курточкой и шляпу. Всё было явно с чужого плеча, и неказистое на вид. – Одежда чистая и не бойтесь, искать её не станут, – уверенно добавила она, пока я стягивала с себя ночное платье. Ночью в доме было всё ещё стыло, а дрова в моём очаге уже едва тлели. Оставшись в шерстяных носках, потопала к столу.

Переодевание не заняло много времени, а длинные волосы я заплела в косу и перевязала лентой, чтобы не мешали.

– Оставайся в моей комнате и никого не пускай так долго, как сможешь. Говори, что хозяйка захворала пуще прежнего, – нервно повторяла я уже известные Шельке указания.

– Я всё помню, не переживайте, госпожа, – женщина мягко погладила меня по спине, пока я натягивала мужскую обувь.

Выпрямившись, одёрнула низ куртки и повернулась к помощнице лицом.

– Не переживай за меня, у нас с Харви всё непременно должно получиться, пусть и мне улыбнётся удача.

Зачем Эйлианна выбрала эту комнату для проживания, ведь дерево закрывало такой шикарный вид? Я долго ломала голову над этим обстоятельством, но утром, гуляя по территории поместья, осмотрела дуб внимательнее. Он был весьма удобен для подъёма и спуска двуногого разумного. То есть Джек мог приходить к девушке именно этим путём, чтобы не попасться на глаза любопытным постояльцам. Заботился о репутации незамужней барышни? Скорее беспокоился о своей, чтобы его ненароком кто-нибудь не узнал и не донёс куда надо.

Мои рёбра, плотно перевязанные широкими полосами крепкой ткани, болели не так сильно, как если бы я была без "бинтов", но всё равно этот спуск мне запомнится на всю жизнь. Это было мучительно. Я каждый раз задерживала дыхание и сжимала зубы до скрежета, чтобы не издать ненужных звуков и не разбудить ненароком кого-нибудь.

Сук, ещё один, передышка и так по кругу. Шероховатая кора старого дуба царапала кожу рук, но я старалась на такие мелочи не обращать особого внимания – меня больше занимал сам спуск. Только остановки с каждым разом были всё продолжительнее. Но когда-нибудь всё кончается, и мой путь к благословенной земле был в итоге благополучно пройден.

Испытание воли, я бы так назвала всё со мной происходящее в новой реальности. И это очередное из них, а впереди непростая дорога по лесным тропам. И откуда-то я точно знала, что карета безо всяких рессор и моей пятой точке придётся ох, как несладко!

Оглядевшись по сторонам – вся территория была как на ладони. Луна светила предательски ярко и мне казалось, что из-за угла дома и конюшни кто-то внимательно за мной наблюдает, благо ставни на первом этаже были плотно закрыты, хоть с этой стороны не нужно бояться неожиданностей.

Выдохнув, как могла быстро поспешила в обход дома, а там и до ворот дойти немного останется. Шла и старалась не сильно вертеть головой, при этом шляпу надвинула по самые брови. На всякий случай.

Но никаких неприятностей не случилось – благополучно добравшись до приоткрытых врат, вышла за околицу. Экипаж стоял в двухстах метрах от меня. Харви нерушимой скалой замер подле и ждал только меня.

– Доброй ночи! – негромко поздоровалась я.

– А вам идёт мужская одёжка, – прогудел бородач, галантно распахивая дверцу кареты. – Прошу, госпожа.

– Благодарю! – в тон ему ответила я и, опираясь на его крепкую, в мозолях ладонь, забралась внутрь транспорта.

И с облегчением вздохнула!

Ох, Шелька, как же я благодарна высшим силам, что именно тебя мне послали в качестве помощницы! Мягкие пледы покрывали жёсткое сиденье, а поверху лежало несколько пышных подушек, пусть и неказистых на вид, но явно удобных. Моя попа и поясница, а также многострадальные рёбра с такими аксессуарами должны пережить непростое путешествие по тропам дремучего леса.

Глава 9

Это было неприятное путешествие.

И кабы не подушки, я бы не выдержала муки и предпочла двигаться на своих двоих. Но с импровизированными амортизаторами тяжести пути не казались такими уж и непреодолимыми. К тому же я боялась дикого зверья, чьи завывания и странное рычание раздавались поблизости от нашего транспорта. Интересно, почему лошадь была настолько спокойна и не сорвалась с места в карьер после первого же продирающего до дрожи рыка?

Харви умело правил каретой: мужчина точно знал, куда двигаться по такой-то темени. И постепенно я немного успокоилась.

Устроив ноющую спину на лавке, попробовала немного подремать, и если первое время меня одолевали всякие сомнения – я ведь доверилась неизвестному мне человеку, то усталость вкупе с напряжением целого дня и первой половины ночи взяли верх над измученным телом и разумом, и я вырубилась под звуки тихо поскрипывающих деревянных, обитых лоскутами кожи, колёс. Ни шум ночного леса и его обитателей, ни опасения касательно Харви, не смогли её (усталость) перебороть.

А проснулась от гомона птиц и странного ощущения – тряска и покачивание прекратились. Приняв сидячее положение, тихо охая и ахая при каждом микродвижении, потёрла ноющие конечности и чуток погладила саднящие рёбра под тугой повязкой.

– Хозяйка, – в дверь стукнули костяшками пальцев, – выходите. Небольшая остановка, дабы вы могли размять ноги и сбегать по нужде, – голос Харви звучал глухо, словно неимоверно устал. Но это-то и понятно! Человек спал всю ночь, и наверняка неважно себя чувствовал.

– Утро доброе! – открыв дверцу, первым делом поздоровалась я, – ты пока передохни немного, – посмотрев на тёмное лицо возницы, выдала я, одновременно вылезая из кареты, – тебе это нужно гораздо больше, чем мне.

– Как скажете, госпожа, – кивнул мужчина. – Там ручеёк течёт, освежиться вполне подойдёт.

– Благодарю, – признательно выдохнула я. – Вон там корзина, – ткнула пальцем на пол экипажа, – сыр и хлеб, варёное мясо и яйца, кувшин воды, немного разбавленной вином и что-то ещё по мелочи, угощайся, – махнула рукой, удаляясь от удивлённого мужика в сторону ближайших густых кустов. А он, что думал, что я, как куркуль, буду втихую в одиночестве давиться всем тем, чем меня снабдила заботливая Шелька? П-фе!

Обойдя тонкие деревца, спряталась подальше от любопытных глаз Харви, хотя вроде как он и не стремился за мной следить, и как могла быстро справила все свои дела. А после умыла лицо, шею и руки в холодной воде тонкого ручейка, резво бегущего совсем неподалёку от нашей импровизированной стоянки.

Вернувшись к карете, сразу же увидела Харви: мужчина, прислонившись широкой спиной к заднему колесу экипажа и натянув шляпу ниже глаз, сладко дремал, чуть посапывая.

Корзинка со снедью лежала там же, куда её поставила Шелька. Еда была прикрыта холщовой тканью, убрав её в сторону, заметила разломленную пополам буханку, и отсутствие части сыра и немного варёного мяса. Ну Харви, молодец, не постеснялся, угостился, а то я думала, не полезет в хозяйские "закрома".

Сев на лавку, принялась за завтрак. Было так вкусно, что я, медленно прожёвывая каждый кусочек, жмурилась от гастрономического удовольствия. Эх, вот вроде ничего особенного: хлеб из муки грубого помола, варёное яйцо, кусок мяса и сыра, а настолько насыщенный вкус! В повседневности моего прошлого существования на такие мелочи перестаёшь обращать какое-либо внимание, перехватываешь что-то, неважно что, на ходу, и мчишься дальше, чтобы успеть... Вот только успеть за чем?

Утолив голод, запила всё это дело кисленькой водой с тонким ароматом какого-то явно не самого плохого вина. И также, как мой возница решила передохнуть. Вытянувшись на лавке, задумалась. Дверь экипажа оставила открытой, чтобы можно было любоваться синим небом и острыми макушками сизых елей, стремившихся пронзить сапфировое полотно. Пели птицы, солнце было ласковым и ярким-ярким, освещая всё вокруг мягким светом, немного другим, нежели мне помнилось из той жизни, хотя я могла, конечно, сильно преувеличить. В новом теле было отменное зрение, нюх и даже вроде как тактильные ощущения острее. Станные выверты сознания.

– Затемно прибудем в Дальний, – прогудел Харви через час отдыха, – могли бы и раньше, ежели двигаться нам пришлось по основному тракту.

– Лучше медленнее, но спокойнее, – равнодушно заметила я, подкладывая под спину одну из подушек. – Поехали.

– Предлагаю остановиться в таверне старика Галиуса, он проверенный человек, ему можно доверять. К тому же его заведение не посещают преступные личности, там вполне спокойно.

– Всецело доверяю твоему выбору, – кивнула я, подумав: "Жираф большой – ему видней!".

Сцепив зубы, приготовилась продолжить путешествие к заветному городку. Больше мы не делали остановок – карета катила и катила по едва заметной лесной колее, то ныряя в природные тоннели, когда верхушки деревьев плотно переплетались в причудливую арку и создавалось впечатление, что двигаешься по бесконечному тёмно-зелёному коридору с дырками в потолке, то преодолевая ухабы на цветущих живописных полянах, то аккуратно объезжая поваленные деревья, возникающие на пути.

До места назначения прибыли в густых сумерках, несколько раньше, чем предполагал мой "водитель".

Город Дальний представлял собой "живописное" местечко. И не потому, что оно сверкало чистотой, напротив, было весьма загажено. И именно поэтому невероятно меня впечатлило. Воняло на въезде знатно! Какими-то отходами и не только пищевыми. Зажав нос пальцами, отодвинула деревянную задвижку на окне, заменявшую тут стекло, и вгляделась в серость этого места. В спешащих по домам людей: женщины носили тяжёлые многословные платья длиной до щиколоток, мужчины щеголяли в широких штанах из грубой ткани, и рубашках из того же материала. Дети бегали в уменьшенных копиях нарядов взрослых. И практически все забавно стучали деревянными башмаками по неказистой с широкими трещинами каменной брусчатке, которая, кстати, появилась не сразу, а ближе к центру Дальнего. И запахи тут не были столь отвратительными, вполне терпимыми, или я просто чуток попривыкла.

Дома практически не отличались друг от друга, разве что чистотой стен и этажностью, чем дальше мы продвигались по вполне широким улицам, тем чаще я видела здания в два этажа.

Улочки освещались светом из окон и иногда факелами, вбитыми в каменные стены. Странно и сюрреалистично, и очень атмосферно.

– Тпру-у! – Харви натянул вожжи и наш транспорт плавно остановился прямо напротив двухэтажного, но всё равно какого-то низкого, здания, – Госпожа, приехали. Подождите внутри кареты, не выходите наружу без меня.

И ушёл в сторону дома. Отсутствовал недолго, через некоторое время вернулся.

Дверца кареты резко распахнулась и внутрь заглянул мой сопровождающий:

– Пойдёмте, хозяйка, я обо всём договорился, для вас нашлась свободная комнатка на втором этаже. Старайтесь по сторонам головой не вертеть, пусть заведение считается вполне приличным, но всё же не стоит испытывать судьбу... Госпожа, как войдём, сразу же направимся на второй этаж.

Благодарно улыбнувшись мужчине, не спеша, вылезла наружу. Было по-весеннему прохладно, но уже не зябко. Харви следовал за мной по пятам, и даже галантно открыл тяжёлую створку входной двери. Тут же на меня дохнуло ароматами свежеиспечённого хлеба, жареного мяса с овощами и кислым пивом. И гомоном множества мужских голосов.

А Харви, не оглядываясь технично свернул налево в сторону узкой лестницы, расположенной у самой стены. Мне пришлось ускориться, чтобы поспеть за его широкими шагами. На нас никто особо не обратил внимания, поскольку я была одета в мужскую одежду и выглядела, как обычный юноша. Тем не менее я изрядно нервничала, даже кончики пальцев кололо от переживаний и подскочившего адреналина.

– Вот ваша комната, – остановившись напротив второй двери слева по коридору, слабо освещённому одной масляной лампой, висевшей на специальном металлическом крюке, вбитом в стену, негромко заговорил мой сопровождающий. – Я вас покину ненадолго, надобно позаботиться о лошади и карете. Вот закончу с этим делом и лично принесу вам ужин. Запритесь изнутри, откроете только мне.

– Хорошо, я всё понял, – также тихо ответила я, чуть исказив голос, после чего прошмыгнула в комнату и задвинула засов.

Глава 10

Никогда не любила ночевать не в своей постели. В ситуациях, когда мне приходилось останавливаться у кого-то, и неважно родственники то, или друзья, я всегда не высыпалась. И весь следующий день чувствовала себя разбитой и несчастной.

Вот и сейчас происходило то же самое: после не очень вкусного, жирного, но сытного позднего ужина, забравшись на жёсткую кровать, вытянулась поверх шерстяного покрывала и смежила веки, приготовившись улечь в гостеприимные объятия Морфея. Но спустя полчаса бесплотных попыток, выдохнула и вперила взор в деревянные тёмные доски невысокого потолка.

Всякое в мысли лезло, и не самое радужное. Отчего-то сердце ныло, предчувствуя неприятности. Я, естественно, понимала, что они непременно меня настигнут, но хотелось, чтобы это произошло ровно в тот момент, когда я полностью встану на ноги и не только в плане здоровья, но и финансово хотелось некоей определённости.

В моём постоялом дворе живёт прорва народу, и пока они не голодают, все работают не покладая рук, кроме, разве что, Данельки. Каждый жилец заслуживает еды больше, чем два раза в день и должен питаться неопостылевшей кашей с куском чёрствого хлеба. Благо Харви и парни умудрялись снабжать нас всех свежим мясом или рыбой. А для растущих организмов белок – строительный материал. Впрочем, мясо было необходимо нам всем.

При мысли о странном попутчике взор сам собой переместился на плотно прикрытую дверь. Харви сказал, чтобы я ни о чём не переживала и просто спокойно отдохнула. Ну, наверное, всё же стоит последовать его настоящему совету.

Вдохнула и перевернулась набок, лицом к стене. Лунный свет из приоткрытого окна узкой серебристой дорожкой освещал затейливый узор на каменной кладке, что змеился трещинками по всей её поверхности, убегая куда-то в темноту. Прикрыв глаза, принялась считать барашков, и в итоге всё же провалилась в сон. Даже дремоту, полную странных теней и метаний от одного к другому: от брата, к его дочери, от загадочного Джека до не менее таинственного проверяющего, способного упечь меня в темницу за наличие на моей земле лишних людей.

Крики и глухие удары буквально выдернули меня из состояния прострации в суровую реальность. И тут в дверь кто-то с силой грохнул, потом раздался протяжный, полный боли стон. А затем что-то упало, смачно разбившись.

В этой ситуации приличной девушке, едва оправившейся от падения, с синяками по всему телу, стоило бы подпереть дверь стулом и затаиться. Я же сдуру рванула к выходу и хотела было отодвинуть засов. Но вовремя одумалась, балда такая, и вместо наиглупейшего поступка, прижалась всем телом к створке, плотно прислонившись ухом.

– Ты-ы чаво забыл тут? Она моя! – пьяный незнакомый голос какого-то мужика раздавался чуть дальше моей комнаты, – я тебе сейчас ещё вмажу! – рыкнул тот же человек и снова раздался звуки борьбы.

Ох, ну что же там такого происходит-то?

Потасовка длилась не очень долго, а потом вдруг всё резко стихло. И только тогда, когда я убедилась, что вроде как всё закончено, хотела было отпереть засов, как в дверь дробно постучали: тук... тук-тук-тук... тук.

Это Харви. Мы с ним договорились об особом сигнале. Стоило лишь распахнуть дверь, как на пороге воздвигся мой телохранитель.

– Как вы? – войдя внутрь комнаты, негромко спросил он, тревожно оглядывая помещение, погружённое в бархатную тьму. – Сильно испугались?

– Что произошло? – облизнув сухие губы, скороговоркой спросила я, игнорируя его вопрос, – на вас напали? Хотели прорваться ко мне?

– Нет. Двое постояльцев не поделили одну женщину и устроили драку прямо на спальном этаже. Их обоих уже усмирили.

– Уф! – облегчённо выдохнула я, только сейчас углядев, что одежда на Харви выглядела несколько помятой.

– Мне пришлось вмешаться, – пожал плечами мужчина, заметив мой прищуренный взор. – Я пойду, спите.

Молча кивнув, дождалась, когда Харви выйдет вон, и снова надёжно заперлась. Прислонившись к шероховатой поверхности двери, задумалась. Логически Джек или его сестрица никак не могли успеть нас догнать. Вот завтра стоит ожидать неприятностей, но никак не сегодня. Расстояние-то приличное и у нас порядочная фора по времени. Поэтому, наверное, я не шибко-то и испугалась, уже тогда предположив, что это пьянчужки устроили петушинные бои. Впрочем, мои подозрения оказались верны.

Вернувшись на лежанку, в этот раз не мучилась бессонницей, а просто-напросто вырубилась, словно кто-то дёрнул выключатель и свет погас.

Утро выдалось серым и безрадостным: тяжёлые облака набрякли от влаги и готовы были в любой момент пролиться на землю холодным дождём. Солнца за их плотной пеленой видно не было. Харви снова лично принёс мне еду, на этот раз тёплую булку и маленький кусочек жёлтого ароматного сливочного масла, большую миску со склизкой овсянкой и кружку горячего взвара из листьев смородины и малины чуть сдобренный сладким мёдом. Быстро утолив голод, мы вдвоём сошли вниз в пустую обеденную залу и не останавливаясь вышли на улицу. Перед таверной уже стоял наш экипаж, впряжённый в смирную каурюю лошадку, тоже принадлежащую мне.

Забравшись внутрь, хотела было хлопнуть дверью, но сопровождающий придержал створку, чтобы уточнить:

– Так, к к какому из двух поверенных вы решили поехать: к Нику Олдреджу или к Жоку Пурльицу.

– Ах да, точно. Поедем к Нику, – решила я и увидела, как от удивления округлились глаза собеседника.

Ещё в дороге я задавала вопросы касательно местных юристов. Первый, тот, что Олдредж, брал непомерно высокую плату за свои услуги. Второй же оценивал свою работу гораздо более скромно. Но имя на завещании, коим скреплялся документ, принадлежал Жоку. Это обстоятельство меня неимоверно смущало и не давало покоя. И я решила довериться интуиции.

– Но у вас нет денег, чтобы обратиться к старику Олду, – пребывающий в некоем обалдении, растерянно пробормотал Харви.

– Не переживай, – беспечно махнула я рукой, – у меня всё под контролем!

И сама себе не верила. Те деньги, что я обнаружила на дне заветного сундучка, явно должны были пойти на закуп продуктов первой необходимости. Но взвесив все "за" и "против", я всё же решила большую их часть потратить на переоформление своего завещания.

Маленький аккуратный одноэтажный домик, ухоженный, без следов навоза и иных отходов, радовал глаз. Мы подкатили прямо к крыльцу и я, уже переодетая в выходное платье простого кроя, но из приличной ткани, выпорхнула наружу. Позади меня, отстав на пару метров, пристроился хмурый помощник.

Коротко стукнув железным молоточком по крепкой дубовой двери, замерла в ожидании. Створка приоткрылась минутой спустя.

– Добрый день! – вежливо улыбнулась я, глядя в морщинистое лицо седовласой женщины. – Мы к мистеру Олдреджу.

– Добрый. Вам назначено? – на удивление молодым голосом уточнила, по всей видимости, экономка.

– Нет. Но вопрос срочный, за разрешение коего я готова заплатить дополнительно!

После моих слов глаза старушки удивлённо расширились, а Харви так и вовсе не сдержался – возмущённо икнул.

– Что же, коли так, – дверь распахнулась шире, женщина гостеприимно подвинулась в сторону, – заходите. Мистер Ник с удовольствием вас примет!

М-да, и в этом мире деньги могли многое.

Благодарно кивнув, прошла внутрь тёмного коридора. Что же, пора переписать завещание, сделав наследником не кого-то, а местный приют для сирот. Если я вдруг погибну, мои владения не достанутся алчным гадам, а отойдут королевскому учреждению.

Надо только позаботиться и прописать условия так, чтобы местные чинуши и руководство дома малютки не смогли присвоить то, что завещано детям и только им одним.

Глава 11

Вот попала, так попала!

Казалось бы, осталось всего ничего до дома, буквально рукой подать, но неприятности настигли наш бравый дуэт, когда мы того совсем не ждали.

Противный, режущий слух свит раздался аккурат, когда я проснулась.

– Кошелёк или жизнь? – прокричали явно прокуренным голосом сразу же, стоило карете остановиться.

И не успела я испугаться, как ответил мой возничй:

– Бишоп, – прогудел Харви, – ты ли это, старый боров?

– А как же ж, дружище! – проорали в ответ, затем послышалось приглушённое ржание коней и всё усиливающийся треск: к нам явно направлялись через ломкие ветки кустов несколько человек. – Ты чего в Дальний мотался? Джек отправил нас к тебе навстречу и наказал сопровождать госпожу Бейл до дому, стеречь её покой.

– Мы бы и без помощи справились, – фыркнул Харви.

– Ну и тропу эту найти оказалось непросто, – продолжал гундеть невидимый для меня человек.

Выдохнув облегчённо, медленно разжала пальцы, которыми намертво вцепилась в края подушки. Вроде как сразу убивать никто не станет. Уже неплохо.

– Ты не ори так, хозяйка почивать изволит, – проворчал Харви.

– Всё-всё, понял-понял! Ты поезжай тогда дальше, мы следом, возьмём вас в полукольцо. С наступлением весны лес наполнился лихими людьми, поостережёмся!

Ага-ага, ехидца, отчётливо различимая в голосе говорившего, приводила к мысли, что те самые лихие – никто иные как они сами. И остерегаться надо только их одних.

Я не стала отодвигать тонкую дощечку, прикрывавшую оконный проём, решив лишний раз не светиться. Вместо этого у меня есть время подумать.

Итак, Джек уже в курсе, ну этого и стоило ожидать. Вот только его люди не помчались в Дальний, а караулили нас тут. Мой взор сам собой метнулся к корзине, внутри которой лежали документы. Поверенный мистер Ник Олдредж оказался очень интересной, даже несколько эпатажной личностью. Старик расположил меня к себе с первого взгляда. Прикольный дедуля. И клиентов у него, несмотря на весьма кусачие цены, хватало.

– Добрый день, юная мисс Бейл, рад, необычайно рад нашему знакомству. – вдруг назвал он моё имя, что удивительно, после чего встал из-за стола и подошёл поближе, дабы галантно подать руку и сопроводить меня к мягкому удобному креслу.

– Долго же я вас ждал! – огорошил он меня снова. – А вообще не удивляйтесь, о вас говорят много, городок маленький, а единственная дочь графа да ещё и владелица столь обширных земель всегда будет под прицелом общественности.

– Добрый день, – кивнула я, внимательно изучая богатую, но не вычурную обстановку его кабинета. – Я даже и не подозревала, что являюсь настолько известной личностью. И что меня кто-то с нетерпением ждёт.

– О да, так оно и есть! – воздвигнув указательный палец вверх, авторитетно закивал нотариус, а его белая тонкая борода забавно заколыхалась в такт.

– Мне нужно переписать завещание, – не стала ходить вокруг да около я, не пожелав дослушать разглагольствования собеседника. Выложив на стол заветный документ, продолжила: – Это всего лишь копия, оригинал найти мне не удалось. Он, скорее всего, хранится у мистера Жока Пурльица.

– Да, по закону всё так: оригинал всегда находится у поверенного. Но вы не волнуйтесь. Как только составим новое завещание, старое аннулируется. Я лично направлю запрос

к мистеру Пульрицу, и он обязан вернуть недействительный документ в канцелярию. Это в идеале.

– Замечательно, – кивнула я, – что же, приступим.

– Как только текст будет составлен, отправимся в королевскую канцелярию, где перепишем всё на гербовую бумагу и зафиксируем в их учётных книгах, – ого, как тут всё серьёзно! Мне нравился такой основательный подход к делу! Не совсем тут дремучий народ оказался.

Через час мы составили приемлемое для меня завещание, а ещё полчаса спустя вышли из королевской конторы с полностью готовым, с нужными печатями, документом. А после вернулись домой к Нику, и он тут же отправил гонца к Жоку. Посыльный к моему глубочайшему удивлению выглядел непривычно – не тощий юркий пацанёнок, а крупный мужчина поперёк себя шире, с внушительным пузом и большими ручищами.

– Ллойд, если потребуется, примени силу, ну, ты и сам всё прекрасно знаешь, – небрежно махнул ему рукой Олдредж, а этот Ллойд плотоядно усмехнулся, продемонстрировав шокированной мне отсутствие передних зубов. – Это я так на всякий случай, вдруг Жок отложит столь важное дело на неопределённый срок. А вот с помощью Ллойда есть шанс, что всё утрясётся сегодня же, хе-хе.

Ждать долго не пришлось, через четверть часа оригинал моего завещания лежал на столе Ника. Деловито проверив документ, старик положил лист в конверт и отдал Ллойд:

– Снеси в канцелярию.

– А теперь перейдём к вопросу оплаты ваших услуг, – стоило двери закрыться, вздохнула я, мысленно готовясь расстаться со своими кровными.

К моему великому изумлению, озвученная старичком сумма, была гораздо меньше предполагаемой.

– Н-но... – нахмурилась я, ничего не понимая.

– Вы ведь не дали мне договорить, – хитро прищурился мужичок-старичок: – Я знал вашего отца, и граф Леман лично просил помочь вам, ежели возникнет такая необходимость, вот только отчего-то за помощью вы обратились не ко мне, а к Жоку. И мне сие обстоятельство несколько ошеломило. Пульриц ведь, мхм... М-да. О коллегах говорят либо никак, либо только хорошее, но вы сами всё разумеете, – развёл руками старичок.

"Если честно, слабо понимаю. Я упала и ушибла голову, и все воспоминания меня покинули", – хотелось сказать вслух, но сумела вовремя прикусить язычок. Не стоит болтать на каждом углу, что есть проблемы со здоровьем. Бережёного, как говорится.

– А заставлять вас пользоваться именно моими услугами как-то неправильно, не буду же я бегать за вами с просьбой обратить на меня внимание, – криво улыбнулся Олдредж.

Расставались мы вполне довольные друг другом. Я была уверена, ушлый поверенный получил от моего биологического отца внушительную сумму за возможные услуги для меня в будущем. Скорее всего, граф даже сказал об этом Эйле, но я-то ничего не помню! Вот только девушка не послушалась советов отца...

Отогнав воспоминания о странном старике-поверенном, выдохнула: я почти дома, правда, прибуду в окружении людей Джека. Даже любопытно, какой он, этот блахародный разбойник с большой дороги.

К постоялому двору подъехали через полчаса неспешного хода. Ныли рёбра и чуток тянуло в пояснице, но в целом я чувствовала, что стремительно иду на поправку. Ещё бы немного воспоминаний прежней хозяйки тела вернулось, но тут уж ничего не поделать – их как не было, так и нет.

Въехав во двор, не стала больше притворяться спящей, резко дёрнула задвижку и выглянула наружу: вокруг копошился народ, занимаясь повседневными рутинными делами. Но что-то в их облике и в том, какие резкие движения они совершают, меня напрягло. Тут и там вразвалочку, словно хозяева, бродили странные неухоженные бородатые мужики.

Та-а-ак...

Карета толком не успела остановиться, а я уже выпрыгнула наружу и опрометью кинулась в дом, крепко прижимая к груди заветную корзину.

– Госпожа! – несло мне вослед, но я даже не приостановилась – сердце тревожно стучало. Маленьким вихрем ворвавшись в обеденную залу, чуть притормозила, осмотрелась: те же подростки и старики, все что-то делают, кто-то моет полы, кто-то натирает столы, а кто-то стены.

– Где Шелька? – воскликнула я, вглядываясь в лица людей. Те попрытали взоры, лишь бы не смотреть мне в глаза, – я спрашиваю: где моя Шель?!

– В конюшне, – прозвучал ответ со стороны лестницы. По ступенькам медленно, даже величественно спускалась Донела. Шикарная коса была перекинута через плечо и колыхалась на внушительной груди в такт шагам.

Я прищурилась:

– Что она там делает?

– Страдает. Поскольку солгала, скрыв своё отсутствие. Джек строго-настрого наказал нам не выпускать тебя за пределы постоянного двора. Ты очень важна для него, он о тебе заботится.

Стараясь не дать гневу прорваться наружу, подозревая худшее, я, чеканя каждый шаг, буквально вбивая пятки в пол, вышла во двор. И так же промаршировала до сарая. Никто не чинил препятствий, а наоборот, завидя выражение на моём лице, стремился освободить дорогу.

Скрипнула деревянная дверь, и вот я внутри.

– Шелька! – громко позвала я, в ответ тишина.

– Она там, – из бокового денника выглянул один из конюхов, вроде его имя Олав, грязный палец ткнул в самый конец большого строения, и я поспешила в указанную сторону. Олав пристроился позади, негромко докладывая о случившемся.

Женщина нашлась на ворохе сухой травы, она лежала на боку, глаза её были плотно закрыты. Старушку укрыли старым, но чистым пледом. Подойдя к помощнице, осторожно коснулась её хрупкого плеча. Тихий стон раздался в ответ, а меня, даже через ткань опалил жар её кожи.

Шель получила десять плетей, её спину исполосовали алые раны, уже успевшие зарубцеваться.

– Кто, говоришь, это сделал? – я не узнавала свой голос – тихое утробное рычание.

– Данелка собственными руками, – шарахнувшись в сторону, проблеял паренёк.

– Почему никто не воспрепятствовал?

– Так, ведь, это... – начал мямлить он, а я с каждой стремительной секундой теряла остатки благоразумия.

Трусы.

Перед моими глазами колыхнулась алая пелена гнева. Ищущим взором уставилась в стену, стараясь не разреветься. И тут увидела их.

– Отнеси Шельку в мою опочивальню, – велела я стальным, ледяным тоном. – И корзину мою туда же снеси. Ясно?! – последнее слово рывкнула так, что единственная старая лошадка, стоявшая в стойле напротив, от неожиданности тихо заржала.

Сорвав со стены два внушительных сыромятных кнута, с хрустом в суставах прокрутила кисти и рванула на выход.

– Ах ты, гадина такая! ...! – проорала я что есть мочи.

Данела, стоявшая неподалёку от конюшни, завидев опасность в моём лице, хотела было рвануть прочь, но хищно щёлкнувший прямо перед её прекрасным ликом кнут заставил деваху притормозить и замереть испуганной крысой.

– За всё надо платить, а за мерзкие дела вдвойне! – оскалилась я и занесла руку для удара...

Глава 12

Алая пелена, застившая взор, поблёкла. Мои руки от самого плечевого пояса до кистей свело судорогой, аж до боли! Рёбра готовы были сломаться окончательно, а затылок полыхал жгучим пламенем. Дыхание с трудом вырывалось из ходившей ходуном груди – настолько я устала, а всего-то нанесла с пяток ударов!

Валяющаяся под моими ногами Донела надрывно стонала, на секунду показалось, что чрезмерно, словно притворно. Неважная из неё актриса. Мне даже одежду на её плечах надорвать не удалось – настолько несильными были потуги нанести этой гадине те же раны, что и она бедной старушке.

Моё тело оказалось недостаточно окрепшим.

И дух, как оказалось, тоже.

Когда сошла первая волна гнева, я пожалела о своём поступке: так неправильно, ведь по факту уже ничего не исправить. Можно лишь, пока не поздно, не дать Шельке умереть. Но зато будет этой высокомерной девице уроком – на любую силу найдётся сила больше и масштабнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.